

ОБЪЯСНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ С ПОМОЩЬЮ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ: PRO ET CONTRA

Минуло десять лет с того времени, когда под влиянием внутренних разломов и цунами, обрушившихся на СССР с Запада, советский материк повторил судьбу Атлантиды. Захлестнутые девятым валом информации, ошеломленные скоростью и напором перемен, гуманитарии стремительно погружавшейся в историческую пучину социалистической эпохи, казалось, искали подходящее пристанище, где можно было бы собраться с мыслями, упорядочить идеи, осознать происшедшее с миром и вновь обрести себя в нем. Среди множества концепций, созданных в общественных науках, такой твердью обещала стать теория модернизации. Ее основные идеи были сформулированы в конце XIX в. и активно разрабатывались западными обществоведами с 1950-х годов для объяснения социальных перемен, происходивших в том числе в странах Третьего мира. Теория модернизации продолжает собой линию исследовательской мысли, берущей начало от Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, описывавших изменения в обществе преимущественно в терминах эволюционизма.

В своих предельных основаниях теория модернизации примечательно близка марксизму, вытравить который из подсознания тех, кто окончил советскую школу и вуз практически невозможно. Действительно, подобно иудео-христианским представлениям о мире, в значительной степени определившим социальные построения К. Маркса, теория модернизации относится к линейным моделям общественных изменений. «Феодализм» и «капитализм» в марксизме, трактуя историю как последовательную смену общественных формаций, аналогичны традиционному и современному обществам в теории модернизации. «Печкой», от которой «танцуют» адепты теории модернизации, является промышленная революция, в центре исследований — смена аграрной колен на индустриальные рельсы, повлекшая за собой целый комплекс существенных и необратимых изменений во всех областях социальной жизни. Это ли не аллюзия базис-надстроечной дихотомии? Есть в ней и своего рода переход исторических предпосылок в новое качество — трансформация патриархального общества в современное. В модернизационной модели, как и в марксизме, процессы общественных перемен рассматриваются преимущественно как эндогенное развитие, а к функциям внешнего мира относится обеспечение стимулов к адаптации.

Хотя и выпестованные в одной колыбели, теории марксизма и модернизации расходятся в трактовке механизмов общественных перемен. Их основным отличием является то, что марксова социальная теория относится к конфликтным моделям, а теория модернизации — к эволюционным. В отличие от теории модернизации, торившей универсальный большак к идеалу — современному обществу западного типа, марксистская теория допускала различные пути, ведущих к заветной коммунистической цели. Тем не менее, в силу доминирующих моментов сходства, теория модернизации легко была принята отечественными обществоведами, оказавшись удобной обновленной версией объяснения истории.

ческого прошлого. Прошлого, берущего свой отсчет около пяти веков назад и действительно радикально отличающегося от настоящего.

Теория модернизации, безусловно, обладает большим эпистемологическим потенциалом. Изучая различия между традиционным и современным обществами, она имеет своим предметом радикальные и всеобъемлющие трансформации человеческого существования и деятельности, произошедшие за последние пять столетий. В самом деле, метаморфоза свершилась. Менее десяти поколений назад люди безраздельно принадлежали все еще узнаваемому, но уже совершенно чуждому нам миру традиционной, аграрной цивилизации, мы же живем в ситуации принципиально иных качественных и количественных характеристик, определяемых индустрией. Можно признать, что и в России уходящий век ознаменовался пятью революциями, осуществившимися, несмотря на те объективные преграды, которые воздвигал на их пути традиционалистский социум: экономической, урбанизационной, политической, демографической, культурной.

Трудно не согласиться с разработчиками теории, характеризующими модернизацию как комплексный процесс, охватывающий все сферы человеческой мысли и поведения: типы и способы производства, изменения в образе жизни, социальную мобильность, урбанизацию, секуляризацию, распространение информации, грамотности и образования, широкое участие в политической жизни. Совершенно верно и то, что модернизация — это системный процесс, то есть перемены в одной из сфер деятельности неизбежно вызывают изменения в других сферах. А сам он является длительным, протяженным, революционным по масштабам изменений, но преимущественно эволюционным по скорости их осуществления [1].

Достоинства рассматриваемой теории очевидны. Не случайно, свой вклад в изучение различий между традиционным и современным обществами внесли представители самых разных гуманитарных дисциплин. Особенно активно в этой парадигме работали историки, социологи, политологи. Заметный интерес проявляли представители других наук. Географы отмечали перемены в восприятии пространства, пришедшие с эпохой современности, социальные психологи описывали становление «современной» личности, антропологи подчеркивали различия между традиционной и современной системами мышления. Тем не менее, теория модернизации остается лишь одной из концепций, претендующих на универсальность в объяснении общественных перемен, а западные социологи не раз подвергали ее критике. Их сомнения касались, прежде всего, двух принципиальных идей, лежащих в основе модернизационной концепции: триумфализма и телеологии. Разделяя эти сомнения, выскажем еще одно. Использование даже самой великолепной теории имеет свои ограничения, прежде всего, темпоральные. Подобно тому, как навигация с помощью астрологии ушла в прошлое, уступив место новым способам ориентирования, так и модернизационные теории помогают в описании и анализе лишь определенной исторической эпохи, эпохи, которая ныне движется к своему завершению. На наш взгляд, к ограничениям применения обсуждаемой теории относится еще одно весьма веское обстоятельство: рассматриваемая теория была создана для описания процесса «современизации» (именно в этом слове заключается истинный смысл английского понятия «modernization») западноевропейского мира. Применение ее к странам иных цивилизационных оснований чревато серьезными недо-

статками. Таковых, по крайней мере, три. Они связаны с направлением, объяснением и механикой социальных перемен.

«Запад — это малк. Модернизация — это прогресс». Квинтэссенцией анализируемой концепции можно считать утверждение о том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Бесспорно, современный мир отличается от мира прошлого, и совокупности изменений, сделавших его таковым, достойна глубокого исследовательского внимания. В прикладном смысле, как рабочий инструмент историка, эта мысль представляется весьма продуктивной. Действительно, дихотомия традиционное—современное, аграрное—индустриальное охватывает широчайший пласт явлений, постоянная трансформация которых во всем богатстве сопутствующих этому связей и взаимозависимостей может служить несущим каркасом для понимания того исторического периода, который связывает истоки и современное состояние общества, к которому мы принадлежим. Однако безоговорочное принятие этого тезиса захлопывает за прозелитами анализируемой теории ловушку исторической ограниченности. В самом деле, привычная нам трехмерная перспектива «прошлого—настоящего—будущего» сужается до прямолинейного отрезка времени «архаика—современность». Современность при этом отождествляется с нынешним Западным миром.

«Модернизация — процесс необратимый», — утверждает теория. «Однажды войдя в контакт с Западом, страны Третьего мира не могут противостоять импульсу к модернизации. Общество, достигшее определенных успехов в осуществлении урбанизации, индустриализации, распространении грамотности на какой-то стадии модернизации, на следующей ее стадии не может опуститься на более низкий уровень развития» [2]. Теоретически — да, но история богаче любой модели. Общество не всегда двигалось в направлении роста централизации, усложнения, специализации и т.д. Зачастую, в том числе и в российской истории, наблюдались реверсивные явления. В истории масса примеров «индустриализации без модернизации» (города и заводы, соседствующие с неграмотностью и сильными общинными связями), «модернизации без «модернити»» (производство, уживающееся с сильно развитым традиционным сельским хозяйством). В этом смысле показателен пример современной Японии, а ныне все в большей степени и Китая, в которых удивительные экономические достижения сосуществуют с ценностями и структурами, очень далекими от западных. Японцы проскочили фазу современного развития капитализма и, находясь в почти не разрушенном традиционном обществе, сумели стать конкурентоспособными с Западом.

Модернизация характеризуется ее теоретиками как безусловно прогрессивный процесс. Утверждается, что «модернизированные системы обладают гораздо большими возможностями по сравнению с традиционными системами, зло и страдания в ходе модернизации обязательно должны, в конце концов, окупиться, так как материальное и культурное благополучие современного общества неизмеримо выше в сравнении с традиционным обществом» [3].

Тезис о материальном благополучии (которое практически отождествляется с прогрессом), а вернее, о его цене и наличии, равно и убежденность в культурном превосходстве современного общества не так уж безоговорочны, как это может показаться на первый взгляд. Конечно, современный горожанин, несущийся по хорошему шоссе на прекрасной автомашине, снабженный передовыми средства-

ми связи и окруженный в повседневной жизни электронной и электрической техникой, имеет все основания быть в гораздо большей степени довольным своей судьбой, нежели средневековый крестьянин, но какова цена этого? Какой стороной оборачивается это благополучие для народов тех стран, откуда черпаются ресурсы? Хорошо известно, что, например, в США, где живет лишь 4% населения мира, потребление нефти равняется одной четверти ее ежегодного мирового производства [4]. Неравномерность процветания на планете выражается и в другой цифре: после почти пяти десятилетий беспрецедентного глобального экономического роста мир вступает в XXI в. с более чем миллиардом людей, живущих в бедности [5]. Обнищание населения бывшей одной шестой части суши, небогатое существование людей во многих странах Восточной Европы, не говоря уже о подавляющем большинстве стран Африканского континента и многих государств Азии, каждое из которых имело свою историю становления в качестве современного, стали привычной реальностью. Однако и в традиционно считавшимся преуспевающим западном мире сегодня наблюдается возрастание относительной бедности. Правда, необходимо оговориться, что в странах Запада на этот процесс воздействуют уже тенденции скорее постсовременного, постиндустриального общества и связаны они с технологической революцией и сокращением потребности в неадекватной этому рабочей силе. Разумеется, этот уровень бедности находится за пределами проблем выживания, которые решены.

Современная статистика доходов подтверждает тот факт, что с середины 1970-х гг. реальная заработная плата рабочих средней квалификации на Западе фактически не увеличивается, тогда как доходы относительно небольшой части высококвалифицированных работников, получивших хорошее образование, занимающихся интеллектуальной деятельностью, постоянно растут. В мире в целом это различие еще более очевидно. Сегодня разрыв в среднедушевом ВВП между гражданами постиндустриального мира и остальной частью человечества достиг 15,4 тыс. долл., увеличившись с 1960 г. почти втрое. Наиболее состоятельная пятая часть человечества присваивает в 61 раз больше богатств, нежели низшая одна пятая. При этом развитый мир, как и высший класс составляющих его стран, становится все более замкнутым [6].

Что касается культурного развития, то достаточно привести несколько цифр, характеризующих фундамент современной культуры — уровень грамотности. Из 130 стран мира по крайней мере в 35 более половины взрослого населения неграмотно и только 37 стран могут похвастаться высоким — более 90% уровнем грамотности [7]. Бездуховность, упрощенная массовая культура, утрата традиционных морально-этических ориентиров, узость кругозора и интересов значительной части населения также не свидетельствует о радикальных положительных изменениях в ментальности *homo modernis*.

Было бы неверно отрицать культурное, а тем более научно-техническое развитие как таковое, очевидное, несмотря на свою неравномерность, избирательность и относительность. Не создано и трудно представить, что будет создано бесспорное мерило, единая шкала для измерения ценностей и достижений культуры. Речь о другом: начатый в Европе около 500 лет назад процесс секуляризации привел к ослаблению способности отвергать краткосрочные индивидуальные выгоды ради долгосрочных, родовых. В результате

сегодня и природа, и культура, уставшие от перегрузок модернизации, требуют реабилитации старых, вытесненных и подавленных в прогрессистскую, западную эпоху форм мироощущения. В повестке дня осознание необходимости экологической аскезы.

Удовлетворение безграничных потребительских желаний, сформированных модерном, противоречит коллективному благополучию человечества. В механике идея вечного двигателя была развенчана 300 лет назад. Но метафизика прогресса до последнего времени полагала, что он способен к чудодейственной бесконечной подзарядке. Однако оказалось, что ни природная, ни социокультурная среда больше не в состоянии выносить возрастающих нагрузок прогресса. На наших глазах идет процесс изменения ценностей, требующих новой институализации. Формируются два новых типа знания, альтернативных завоевательной идеологии прогресса: экологическое знание, предостерегающее относительно экологических издержек прогресса, и историсофское знание, предостерегающее от социальных издержек. Эти типы знания озвучивают проблемы до недавнего времени безгласных объектов, разрушаемых в ходе модернизации. Первым таким объектом выступает природная среда, терпящая невосполнимые убытки, вторым — социокультурная среда — маргинальное большинство мира.

Таким образом, перед нами две альтернативные концепции философии истории: согласно одной — модерн — окончательный выбор человечества, которому предстоит продолжить эпопею прогресса, согласно другой, прогрессистская эпоха — это преходящая промежуточная форма между старым традиционным и новым, грядущим типом нестабильности [8].

«**Всяк молодец на свой образец**» или «**Со своим уставом в чужой монастырь не ходят**». Концепция модернизации, особенно в своем начальном варианте, рассматривает западноевропейскую и американскую нации как идеальные ориентиры по параметрам экономического благосостояния и демократической стабильности для всех тех народов, кто, по мысли адептов теории, далеко отстал на пути модернизации. Это положение теории стало одним из самых спорных. Теорию модернизации не раз критиковали за этноцентризм, за то, что она поднимала западноевропейский и американский опыт развития на уровень вселенской истины, не признавая других культур. Ф. Фукуяма даже назвал обвинения в этноцентризме «похоронным звоном по теории модернизации» [9].

Трудно не согласиться с тем, что модернизация — это стадийный процесс [10]. Однако стремление подчеркнуть, что существуют единые стадии, уровни или фазы модернизации, через которые должны пройти все общества, что на этой основе общества можно сравнивать между собой и ранжировать в соответствии со степенью их продвижения по пути от «традиционности» к «современности», насильно сводит на одной марафонской дистанции и штангистов, и альпинистов, и создает впечатление гладкой и фактически автоматической последовательности этапов, как если бы общество лишь должно было ступить на эскалатор.

Из идеи ранжирования обществ логически вытекает теория догоняющего развития. Собственно, эта мысль является развитием слов Карла Маркса, который в предисловии к английскому изданию «Капитала» писал, что «более промышленно развитые лишь показывают менее развитым образ их собственного будущего». На наш взгляд, говорить о «догоняющем типе развития» нельзя при-

циально. Как известно, существует инвариантность законов природы по отношению к четырем типам преобразований, в частности, переносу в пространстве и сдвигу во времени. Прimitивным упрощением было бы сказать, что ребенок догоняет в своем развитии старика. Каждый из них обладает собственным уникальным опытом жизни. Каждый имеет свой стартовый момент и свой финиш, но жизнь — это достояние, а не гонка.

Россия развивается в соответствии со своими особенностями, к числу которых относится и то, что отсчет происходящих с ней трансформаций расположен со сдвигом на несколько веков по сравнению с Западной Европой, которая неизменно принимается за образец. Если рассуждать в логике «догоняющего развития», то можно договориться до того, что и средневековая Европа «догонила» античный мир, поскольку варварские племена Северной Европы также вышли на историческую арену позднее по сравнению с ее античным югом. Ведь как считают некоторые философы, «либеральный (модернизаторский) тип трансформации зародился в античном мире... достижения античной протолиберализации были надолго утрачены в результате разрушения античных обществ и Римской империи и утверждения феодализма в теснейшем союзе с церковью» [11].

Следование концепции догоняющего развития сопряжено со скрытым комплексом неполноценности и вины. Эта вина перед собственной традицией, которую хотят дискредитировать, вина, связанная с несовершенством интерпретации чужого опыта. Теория модернизации и ее логическое следствие — концепция догоняющего развития — оскорбляют достоинство незападных народов, ставя их в неравное положение перед лицом Истории. Согласно им, западные народы живут в истории собственной жизнью, а всем остальным предлагается жить чужой историей. Чужая история, в отличие от других форм отчуждения, отчуждает не только нашу социальную, экономическую, политическую и культурную перспективу, но сам наш способ бытия в мире. Незападные народы обрекаются либо на статус маргиналов и париев прогресса, либо на статус западников, с презрением относящихся к «туземной» истории [12].

Все имеет свою цену. Нас включают в общую колонну, но при этом постоянно указывают, что мы плетемся в самом ее конце. Может быть, развиваясь в соответствии с универсальными законами, мы, тем не менее, как писал Г. Торо, «слышим звуки иного марша»? Нужно обязательно учитывать специфику национальной истории и помнить, что Россия движется по бездорожью, а не по европейским парковым аллеям.

Вообще, преимущества такого рода участия в едином мировом процессе сомнительны. Почему, в самом деле, собственный опыт так мало ценится и так мало влияет на исторический процесс по сравнению с порою экстравагантными историями? Доктринеры различных учений то и дело сетуют на народный менталитет, как на помеху их умопомрачительных идей. На самом деле, народ скорее служит хранителем реального опыта. Вся история великих переворотов и апокалипсических сдвигов — это история поражения эмпирического опыта под напором новых форм веры, насаждаемых активным меньшинством. Такая история неизбежно оказывается затратной и волюнтаристичной, ибо следование чужим образцам требует интерпретации, всегда несовершенной и произвольной. Эту интерпретацию осуществляет реформаторские элиты, направляющие процесс модернизации. Такая

история сопровождается метафизическим сомнением, а в случае тяжких жертв — и периодическими протестами. Для ее творцов окружающий мир народов и культур есть не что иное, как объект переплавки в заранее определенную форму, характер которой раскрывает очередное великое учение. Учение, пересматривающее уклад, историческую традицию, менталитет, образ жизни — ценности, которые всякий возмущавшийся народ ставит выше материальных благ [13].

Воистину, самое страшное оружие массового поражения — не ядерное, концептуальное и идеологическое. Пропагандисты «открытого общества» продолжают дело британских фритредеров, обосновывавших объективную необходимость и моральную оправданность открытой экономики — свободного рынка без границ и таможенных ограничений, позволявших беспрепятственно проникать на рынок более слабых стран и разорять местную промышленность. Сегодня «теория открытого общества» уже не ограничивается экономикой. Она призывает не — Запад полностью открыться влиянию Запада — идеологическому, культурному, политическому и финансовому. Теория модернизации в ее прескриптивном аспекте служит этой же цели. Разумеется, мы не призываем к автаркии. Важнейшим механизмом современного развития являются разумная открытость в отношении технологий и информационных потоков со всего мира, расширение разнообразия контактов с мировым сообществом. Тем не менее, открытость в экономико-технологическом и других видах сотрудничества не означает прозападной политической, идеологической, культурной ориентации и уничтожения собственной истории.

Теория модернизации указывает на тенденцию к гомогенизации. Утверждается, что модернизированные общества, в отличие от традиционных, имеют множество сходных черт, а сам процесс модернизации стимулирует тенденцию к конвергенции сообществ. Модернизация влечет за собой движение «в сторону взаимозависимости между политически организованными обществами и по направлению к окончательной интеграции сообществ». «Универсальные императивы современных идей и институтов» могут вести к той стадии, «на которой различные общества будут настолько однородны, что будет возможно формирование единого всемирного государства» [14].

Видимо, в этом и заключается ключевая мысль, главная цель тех, кто разрабатывает теорию модернизации как универсальное орудие о двух концах: один из них служит для описания прошлого, другой — указкой будущего. Думается, что отмеченная тенденция к мировому единству отражает лишь часть реальности. Период национальных государств, единых политических наций уходит в прошлое. «Главильный котел» затух не только в бывшем Советском Союзе, но остывает и в США.

Возможно, анализируя российскую историю, более продуктивно рассмотреть версию «защитной модернизации», предложенную Х.-У. Велером при характеристике реформ в Пруссии и других германских государствах в период 1789 и 1815 г. Аграрные, административные и военные реформы были, по Велеру, ответом на угрозу Французской революции и Наполеона [15]. Аналогично, как ответ на угрозу со стороны Запада, можно рассматривать реформы торское движение младотурок в Османской империи, революцию Мэйдзи в Японии, петровские и сталинские преобразования в России. Весьма плодотворна, на наш взгляд, и идея В.Г. Федотовой, называющей модель неожиданно

го подъема Японии на основе собственной идентичности в отличие от догоняющей модернизации постмодернизацией [16].

«Модернизация — универсальный путь». Рассматриваемая теория постулирует, что «модернизация — процесс глобальный. Начавшись в Западной Европе 15—16 веков, она стала со временем общемировым явлением», «...все общества когда-то были традиционными, все современные общества — или модернистские, или находятся в процессе становления в качестве модернистских» [17]. Если человек — это преимущественно экономическое животное, движимое желаниями и разумом, тогда диалектический процесс исторической эволюции должен быть относительно схожим в различных обществах и культурах. Таково заключение теории модернизации. Но как все экономические теории истории — теория модернизации ущербна. Она ограничена пониманием человека как существа экономического. Между тем, существуют другие аспекты человеческой мотивации. Сторонники теории отрицают возможность выбора отличной от западной траектории развития для других народов. Распространение идей, сформулированных для объяснения западноевропейской истории на страны со своим самобытным прошлым, обусловленным климато-географическими, геополитическими и социо-культурными факторами, приводит к ситуации, когда применение западного опыта, например, к истории России постоянно вынуждает делать оговорки, идти на натяжки, прилаживать, в данном случае, «мерседесовские колеса к русской телеге».

Исследование вековой истории консервативной модернизации в России, предпринятое А.Г. Вишневым, показывает, что возможности этого типа модернизации к концу столетия оказались исчерпанными, а результаты — половинчатыми. Однако, по мнению автора, проекты поисков «третьего пути», опирающегося, по сути, на все ту же традиционалистскую социальную базу, пытающуюся приспособить ее к внутренним ограничителям, возможности модернизационных преобразований на деле не выходят за рамки того, что уже было испробовано в течение века. Бесспорны огромные изменения, которые произошли в социальных отношениях нашей страны в течение XX века. Однако сам ход консервативной модернизации способствовал тому, что многие традиционалистские идеалы, связи и представления были законсервированы и в основе своей пережили последнее столетие. И сегодня они являют собой достаточно мощный социальный пласт, препятствующий переводу модернизационного процесса с инструментального на более глубокий социальный уровень. Многочисленные социологические исследования показывают, что порядка 30% населения страны сегодня исповедует традиционалистские ценности и настроено против проводимых реформ. Причем их ряды пополняет существенная часть представителей неопределившегося большинства [18].

С этим нельзя не считаться, однако, в отличие от указанного автора, нам думается, что Россия обязательно будет двигаться своим путем, который позволит сочетать достижения модернизационного развития западного типа со специфическими особенностями российского уклада, не ломать устоявшееся веками, а строить дальнейшую жизнь, опираясь на устойчивые традиционалистские элементы социального устройства российского общества. Не случайно неприятие реформ, до сих пор шедших скорее по разрушительному пути, сочетается с часто высказываемыми представлениями о самобытности России, которой не подходят модернизационные механизмы, выработанные в принципиально иных условиях Запада.

Итак, подводя итоги некоторых размышлений о российской истории и применимости к ее интерпретации теории, модернизации, присоединимся к мнению растущего числа ученых, полагающих, что система ценностей, сформировавшаяся в Западной Европе в ходе становления цивилизации Нового времени, которая получила в современной науке общее название «модернити», занимает лишь ограниченное место за пределами западноевропейской и североамериканской цивилизации [19]. Из этой позиции логически вытекает отказ от отождествления развития и экономического роста; от абсолютизации вестернизации как социокультурной основы современных преобразований — в пользу признания позитивной роли эндогенного культурного наследия; от линейной парадигмы мирового развития — в пользу признания полиморфности мира и глубокого своеобразия институциональных, символических, идейных интерпретаций, которую разные общества дают процессу модернизации. Не перспективно противопоставлять «самобытный партикуляризм» и «вестернизированный универсализм». Самобытные и заимствованные ценности сложным и уникальным образом сочетаются в истории любого государства.

Мир сопротивляется попыткам унификации. Даже само индустриальное общество существовало в двух разных формах, двух разновидностях: в виде рыночного индустриального развития и распределительного типа индустриального развития, который имел место в СССР и частично в странах Восточной Европы. Сегодня мы скорее являемся свидетелями культурно-цивилизационного плюрализма. Все более явным становится глубокое различие нормативно-ценностных оснований хозяйственной и предпринимательской деятельности на Западе и Востоке, несмотря на очевидную интернационализацию экономической деятельности и ее внешних, стилевых атрибутов. Переходят ли, например, японцы от традиционного общества к современному или они движутся к другому состоянию, где синтезированы традиционные и современные черты? Скорее, приходится признать второе, даже если это состояние неустойчиво.

Общество может быть «модернизированным» в экономическом, научно-техническом и тому подобных отношениях, но при этом не быть «модерновым», т.е. «западным», вестернизированным по важнейшим характеристикам культуры. Пафос статьи направлен в поддержку теорий самобытности, которые отнюдь не являются идеологиями «антиразвития». Напротив, в них признается необходимость «вхождения в современность» — модернизация, но при этом подчеркивается императив сохранения самобытной культуры и природы. Следует еще раз акцентировать внимание на приоритетности высших духовных ценностей во всех сферах жизни.

В этой парадигме модернизационная модель мирового процесса развития выглядит не однолинейной и моноцентричной, а полиморфной и допускающей значительную вариативность в структуре и темпах динамики. Духовные предпосылки, необходимые для движения общества от традиционности к современности, отнюдь не тождественны западной культуре как некоему идеальному типу и не включают таких ее существенных черт, как индивидуализм или универсализм, что в полной мере проявилось в опыте развития различных стран Востока. «Социальные перемены являются скорее многолинейными, чем однолинейными. К современности ведет много дорог» [20].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Huntington S.P. *The Change to Change: Modernization, Development, and Politics / Comparative Modernization: A Reader*. Ed. by C.E. Black. N.Y., London, 1976. P. 0—31; Также см.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8—49.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 49.
5. Там же. С. 67.
6. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 6.
7. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век... Приложение. С. 409—414.
8. Философия истории. Под редакцией д.ф.н., профессора А.С. Панарина. М., 1999. С. 84.
9. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Avon Books. New York. 1993. P. 69.
10. Huntington S.P. *The Change to Change...* P. 30—31.
11. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 9—12.
12. Философия истории... С. 19.
13. Там же. С.63.
14. Huntington S.P. *The Change to Change...* P. 30—31.
15. Wehler H.-U. *Deutsche Gesellschaftsgechichte*. Vol. 1 (1700—1815), Munich, 1987. (Цит. по: Burke P. *History and Social Theory*. Cornell University Press, 1993. P. 135).
16. Трансформации в современной цивилизации... С. 14.
17. Huntington S.P. *The Change to Change...* P. 30—31
18. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998; Плискевич Н.М. «Третий путь», которым мы уже прошли (о книге А.Г.Вишневского) // ОНС. 1999. № 6. С. 115.
19. Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. 1998. № 4. С. 26.
20. Burke P. *History and Social Theory...* P. 141.

INTERPRETING RUSSIA'S HISTORY WITH THE THEORY OF MODERNIZATION: PRO ET CONTRA

The article discusses epistemological potential of the theory of modernization and application to the studies on Russian history. Along with admitting the importance the theory, the author defines its faults in terms of the explanation of the direction, interpretation and mechanics of social change.

E.V. Alekseyeva